

[Таймскип, POV от третьего лица]

[18 декабря 1907 года, Линц, Австрия]

- Тебя приняли? - спросила Клара, лежа в постели с усталым и обеспокоенным видом.

- Когда-нибудь я стану великим художником, мама, - сказал Адольф, когда его глаза опустились на край кровати матери, так как он не мог смотреть матери в глаза из-за стыда.

- Я знаю, что так и будет, - сказала Клара, улыбаясь. Когда Адольф это слышит, его глаза расширяются, и он смотрит на свою мать.

Полчаса спустя Адольф вышел из комнаты своей матери и обнаружил свою старшую сводную сестру Ангелу снаружи. Его глаза сузились, и он бросил последний взгляд на свою мать, прежде чем покинуть дом, от чего лицо Ангелы наполнилось печалью, а потом она успокоилась и вошла в комнату Клары.

Увидев, что Ангела вошла, Клара подозвала ее ближе, пока та не оказалась всего в метре от кровати.

- Ангела, я знаю, что он твой только сводный брат, но я хочу, чтобы ты заботилась о нем, как о своем родном брате, он очень чувствительный, я не знаю, как он выживет без меня, - серьезно сказала Клара, глядя в глаза Ангелы.

- Я буду заботиться, я обещаю, - сказала Ангела, прежде чем крепко сжать руку Клары.

[21 декабря 1907 года, Линц, Австрия]

Посреди кладбища Адольф снова стоял рядом с могилами своих младших братьев, наблюдая, как гроб его матери опускают рядом с могилой его отца. Небо в тот день было темным, когда все родственники и друзья Адольфа (что было во многом связано с тем, что Адольф послушался Люка и начал публичные выступления) собрались вокруг. Однако, несмотря на тридцать пять собравшихся людей (не включая Люка и Адольфа), единственным, кто был рядом с Адольфом, был Рудольф Штрогейм. Похороны длились час, прежде чем все ушли, оставив только Адольфа, стоящего там, уставившись на надгробие своей матери, прежде чем Рудольф проводил его домой.

Ангела вошла в комнату Клары и обнаружила, что Адольф стоит на коленях у кровати матери и скорбит. Он плакал на подушке матери, не издавая ни звука.

- Адольф, я знаю, это тяжело, но ты должен быть мужественным, - тихо сказала Ангела, но тот ее прервал.

- Не говори мне, что я должен чувствовать! - слова Адольфа были полны печали и душевной боли.

Адольф медленно встал и пристально посмотрел на Ангелу. Выражение его лица было как у сумасшедшего: глаза налиты кровью, дыхание тяжелое. Прямо сейчас он не был мальчиком, которого знала его сводная сестра.

- Ты не любила ее, она была всего лишь твоей мачехой! Тебе не известно, как это - любить кого-либо, ты просто деревенщина, ни на что не годная, кроме как разводить еще больше сук вроде тебя, - ядовито сказал Адольф, схватив ее за горло и прижав к стене, душа ее.

Глаза Ангелы начали слезиться, когда она почувствовала, как смерть приближается к ней, пока Адольф не отпустил ее, и она рухнула на пол, кашляя и отчаянно хватая ртом воздух. Ангела подняла глаза и обнаружила, почему Адольф отпустил ее: в дверях стоял Рудольф Штрогейм с холодным пустым взглядом, застывшим на его лице, как-будто он говорил им: "Разве сейчас подходящее время для этого?"

Не сказав ни слова, Адольф вышел из комнаты, прежде чем взять с собой небольшую часть своего имущества и покинуть дом. Штрогейм наблюдал, как ушел подросток Гитлер.

- Боюсь, что будет лучше, если только он останется со мной, - говорит Штрогейм приходящей в себя Ангеле, у которой расширяются глаза.

- Но я обещала Кларе, что позабочусь о нем, - возразила Ангела и собралась продолжить, но была остановлена свирепым взглядом Штрогейма.

- Завтра утром мы с Адольфом отправимся в Вену и останемся там на некоторое время, - сказал Штрогейм, прежде чем выйти из комнаты и закрыть дверь, заставив Ангелу, наконец, заплакать от всего, что произошло.

На следующий день, 9-30 утра.

Рудольф Штрогейм бродил неподалеку от ратуши, когда вдруг услышал знакомый голос.

- Я в порядке, просто жду свое наследство, вот и все, - сказал знакомый голос, заставив Штрогейма обернуться и обнаружить Адольфа, сидящего с кучей бездомных.

- Это евреи виноваты, вы знаете, что они врываются в нашу страну и крадут хлеб прямо изо рта, просто спросите нашего мэра, - сказал Адольфу один из бездомных - пожилой человек, встав на платформу.

- Это волки, хищные звери в человеческом обличье, - сказал мэр, когда небольшая толпа вокруг него закричала.

Адольф просто отошел с газетой в руке, прежде чем врезаться в Штрогейма. Адольф упал на землю.

- Герр Штрогейм! - Адольф вскрикнул в шоке, быстро придя в себя.

- Давай, малыш, мы едем в Вену, - с улыбкой сказал Рудольф Штрогейм.